

22. *Jackson A.* *Op. cit.* P. 169.
23. *Колтаков А.Д.* Ирландия на пути к революции (1900–1918 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 230.
24. *Fitzpatrick D.* *The Two Irelands...* P. 64.
25. *Колтаков А.Д.* Указ. соч. С. 233; *Полякова Е.Ю.* Ирландия — разделенная нация // *Национализм в мировой истории.* М., 2007. С. 161.
26. См., например: *Колтаков А.Д.* Указ. соч. С. 234.
27. Сэр Роджер Кейзмент (1865–1916) — популярная фигура в зарубежной историографии. Он служил в британском консульстве. Стал известным после разоблачительных репортажей о варварской эксплуатации на плантациях крупных европейских компаний в Африке и Южной Америке, за что в 1911 г. был возведен в рыцари. В 1913 г. ушел в отставку и вступил в национальную организацию «Ирландские волонтеры». Война застала его в США, где он собирал средства для волонтеров. Здесь тесно контактировал с ирландской неофенианской организацией «Клан на Гэл». Лидеры «Клана на Гэл» с началом войны провели переговоры с германским посольством в Вашингтоне. В середине октября 1914 г. Р. Кейзмент отправился в Германию. Целями его миссии в Берлине было создание Ирландской бригады из военнопленных, интернационализация «ирландского вопроса» и получение военной помощи от Германии. В апреле 1916 г. отправился в Ирландию, чтобы предотвратить «бессмысленное» выступление, но был схвачен. Казнен в апреле 1916 г. по приговору британского суда в государственной измене.

А.Д. Гронский

**Отражение событий лета 1914 г.
в белорусскоязычной газете «Наша нива»**

Белорусский национализм, который часто некорректно называют белорусским национальным движением¹, появился лишь на рубеже XIX–XX вв., а институционализировался примерно в 1902–1903 гг.

Попытка белорусского национализма проявить себя в период Первой русской революции успехом не увенчалась. Более того, партия Белорусская социалистическая громада в течение революции практически перестала существовать. Белорусский национализм стал скорее не политическим, а культурным явлением. Претензии на политическую силу остались лишь претензиями, да и в культурном плане белорусские националисты мало преуспели. Их тексты были неинтересны массе, только немногие следили за белорусской культурной жизнью.

Стремление влиять на массы породило такое явление, как белорусскоязычная пресса. Если в 1905 г. существовали попытки выпуска белорусскоязычных листовок (иногда совместно с польскими партиями), то в конце 1906 г. белорусские националисты начали выпускать газеты. Сначала «Нашу долю», почти сразу закрытую за антигосударственную пропаганду, а потом «Нашу ниву», просуществовавшую до 1915 г. На момент начала Первой мировой войны «Наша нива» была единственной более или менее длительно выходящей белорусскоязычной газетой. Вокруг нее был собран весь немногочисленный цвет белорусскоязычных интеллектуалов, считавших белорусов отдельным народом. Известно, что серьезная наука того времени не видела в белорусах нечто особенное и рассматривала их как часть русского народа². Редакция «Нашей нивы» была сторонницей другого подхода, заключавшегося в том, что белорусы не являются ни русскими, ни поляками.

«Наша нива» в итоге попадала в странное положение. Поскольку она издавалась легально в пределах России, газета должна была проявлять некую лояльность в отношении государства. Однако ее статьи иногда вызывали вопросы у цензуры. Помимо этого газета демонстративно игнорировала общегосударственные торжества, поскольку их празднование подчеркивало единство, что противоречило идеологии белорусского национализма. Например, газета проигнорировала торжества, посвященные 100-летию Отечественной войны 1812 г., затем устранилась от описания празднования 300-летия правящей династии. Об этих юбилеях газета не упомянула вообще. Была лишь косвенная информация³.

Накануне и особенно с началом Первой мировой войны положение белорусского национализма осложнилось. Нужно было высказывать лояльность своей родине и одновременно критиковать ее за то, что она

не поддерживает грозящие сепаратизмом идеи. Если до войны критика власти была в порядке вещей, то во время войны это становилось небезопасно, поэтому журналисты «Нашей нивы» были вынуждены договаривать некоторые вещи или вуалировать критику.

Интересно рассмотреть отношение белорусского национализма к событиям, повлекшим за собой начало войны, а именно к сараевскому убийству и ситуации вокруг него. Так, информация об убийстве наследника австро-венгерского престола прошла в «Нашей ниве» в виде небольшой заметки на последней странице⁴. В следующем номере «Нашей нивы» было размещено сообщение о том, что все близкие родственники правящего австро-венгерского монарха также «не тем, то другим способом погибли». В частности, помимо эрцгерцога Франца Фердинанда и его жены, убитых Г. Принципом, в 1867 г. в Мексике республиканцы убили брата австрийского императора, в 1889 г. единственный сын Франца Иосифа покончил жизнь самоубийством, еще один родственник Ян Сальвадор пропал без вести в море, а жену императора в 1898 г. убил в Швейцарии итальянский анархист⁵. В этой же статье объясняется, почему убийцами оказались сербы. Они давно хотели создать Великую Сербию, но Боснию и Герцеговину, полученную Сербией в результате войны с Турцией, забрала более сильная Австро-Венгрия⁶. В газете пока не прослеживается симпатий ни к Сербии, ни к ее противникам. В этом же номере размещена заметка о «важном секретном совещании» в Петербурге, на котором высшие круги сделали вывод, что ситуация может закончиться «серьезными политическими происшествиями»⁷. Правда, остается неизвестным, откуда провинциальная газета взяла информацию о секретном совещании. Скорее всего, это было почерпнуто из других газет.

Затем на протяжении нескольких номеров события на Балканах вообще не поднимаются. Лишь с началом австро-сербских столкновений «Наша нива» снова взялась освещать тему. Интересным представляется то, что белорусские националисты не стали поддерживать сербских «братьев-славян». «Наша нива» описала австро-венгерские мотивы войны так: «Давно уже Австрия следит за Сербией: под австрийским владычеством живет больше сербов, чем в самой Сербии, и австрийское правительство стремится к тому, чтобы и остальных забрать под себя да, объединив так весь народ этот, дать ему полное самоуправле-

ние, дать право установить на своей земле такой строй, который сербам выгоднее, и Австро-Венгерскую Монархию перестроить в союз трех самоуправляемых краев: австрийского, венгерского и славянского. Чтобы придти к этому, осталась одна дорога — завоевать сербов, — потому что Сербское королевство, наоборот, дружило все время с Россией, надеясь, что русские помогут ему отобрать сербские земли от Австро-Венгрии и основать великое, независимое Сербское государство»⁸. Таким образом, Австро-Венгрия выступает в данном случае как страна, стремящаяся дать сербам благо полного самоуправления под австро-венгерским скипетром, а для достижения этого блага пришлось начать войну. Видимо, тут следует видеть аллюзии на ситуацию в Российской империи. Белорусские националисты очень хотели, чтобы Петербург дал Белоруссии автономию. Тогда никому не известные местные националисты превратились бы в национальную элиту. Видимо, эти белорусские утопии дали возможность одобрять действия Австро-Венгрии. Положительное отношение к австро-венгерской агрессии в отношении Сербии подкрепляется и описанием того, что именно сербская сторона готовила террористов, а сербское правительство было в курсе этих приготовлений. Помимо этого, автор статьи четко прописывает логику будущего поведения России: «План Австрии захватить Сербию очень не устроил Россию: Сербия — это ее единственный союзник на Балканах, и когда от нее Россия отступится, то уже никакой силы на Балканском полуострове иметь не будет. Также и мощь Австрии после присоединения Сербии очень возросла бы, а это страшно опасно для России»⁹. Таким образом, вопрос о нейтралитете России не стоял. Это понимали даже не очень подготовленные в делах международной политики белорусские националисты.

Также интересным представляется тот факт, что, согласно упоминанию в газете, «крепость и город Ковна объявлены на военном положении. Комендант крепости советует жителям, которые не хотят оставаться в городе, если бы началась осада, выбираться из города сейчас»¹⁰. Замечу, что газета об этом написала еще до официального объявления не только войны, но и мобилизации в России.

Следующий номер «Нашей нивы» вышел уже в тот момент, когда война началась. Белорусский национализм попал в щекотливое положение. Критика центральной власти была общим местом всех

белорусских политических и околополитических рассуждений, но в период войны такая критика могла рассматриваться как нелояльное отношение к собственной стране. Тем более что «Наша нива» выпускалась в Вильне — городе не так уж далеко расположенном от русско-немецкой границы. Надо сказать, что с началом войны газета сократила свой объем вполтину, но примерно через месяц объем восстановился. Первые белые пятна в статьях, иллюстрирующие работу цензуры, появились в октябре 1914 г. Однако тексты, опубликованные в «Нашей ниве» в первый месяц войны, должны были заставить цензуру более внимательно следить за газетой. Так, первый же номер, вышедший уже в период войны, имел передовой статьей текст, в котором были интересные сюжеты. Так, описывая передвижения войск, газета пишет: «С востока плывут волны огромной русской армии, с запада — немецкой, и кто знает, не тут ли — на наших полях — произойдет страшная битва народов, такая кровавая, которой мир давно не видел»¹¹. Применительно к территории Белоруссии, т.е. западной части Российской империи, русская армия, с точки зрения журналистов, оказывается не своей, а наплывающей с востока, т.е. такой же чужой, как и немецкая, идущая с запада¹². Далее в той же статье есть строчки: «Одно мы все знать должны: чем бы война ни закончилась, сколько бы людей ни взяла в жертву, *народы* [курсив в оригинале. — А.Г.] останутся, переживут ее, залечат свои раны, и начнется снова кипучая жизнь, кипучая работа. Так, каждый из нас, хотя бы судьба приготовила ему плохой конец, должен знать, что и после него будет жить его народ, что вырастут новые поколения, которым принадлежит будущее. Море крови отделяет нас от нее. Этого изменить, отвернуть нельзя. И когда и наша кровь в это вольется, так все ж таки будем знать, что после нас засияет солнышко над нашей сторонкой, что наши наследники добудут наконец ту долю, которой нам не довелось дожидаться»¹³. Таким образом, газета, печатавшаяся на территории, объявленной на военном положении, прямо писала, что ей все равно, кто победит, свои или противники. И лишь на второй странице были напечатаны Высочайший манифест императора Николая II об объявлении войны, речь императора в Зимнем дворце, Высочайший указ о назначении Верховного Главнокомандующего, Именной высочайший указ о введении военного положения¹⁴.

Если же проанализировать не головные статьи, а те, которые описывали протекание фронтовых событий или местные явления, тогда ситуация представляется немного иной. Очень часто в описании событий на русско-немецком и русско-австрийском фронтах русская армия упоминается именно как «наша» (или «нашная») армия, наряду с этим используются словосочетания «расейская армия» и «русская армия»¹⁵. Последнее более чем удивительно, так как термин «русский» белорусские националисты старались не употреблять. Дело в том, что белорусские крестьяне в основном называли себя русскими (термин «белорусы» крестьянам был практически неизвестен). Крестьяне великорусские и малороссийские также называли себя русскими. Это беспокоило белорусский национализм, так как термин «русский» в данном случае не нес никакой сепаратистской нагрузки. Именно поэтому в белорусскоязычной среде появился термин «расейцы»¹⁶, который означал или великорусов, или российские власти в зависимости от логики текстов и давал возможность провести границу между великоросами и белорусами с помощью терминологии. Именно поэтому определение российских войск как русской или нашей армии звучит в газете некоторым диссонансом по отношению к предыдущим статьям. Это говорит или о том, что ряд сотрудников редакции, готовивших подборки новостей о военных событиях, были настроены вполне патриотично по отношению к стране, в которой родились, или о том, что, перепечатывая из других газет информацию о событиях, белорусскоязычные журналисты попросту переводили текст, не успевая исправлять его.

Тем не менее и далее в статьях, претендующих на аналитику, авторы четко определяли дистанцию между белорусами и остальными подданными Российской империи и высказывались, что им безразлично, какая из сторон победит в войне. В частности, даже утверждая, что «немцам и их союзникам австрийцам война не сулит ничего хорошего», белорусский журналист сделал вывод: «чем всё закончится, неизвестно»¹⁷.

Тем не менее не очень патриотично настроенная газета размещала информацию о том, как простые обыватели проявляли свой патриотизм. В частности ряд статей рассказывает, что отдельные люди и целые организации стали собирать жертвования в пользу раненых и членов семей мобилизованных¹⁸, что в Латвии организованы

специальные группы, которые бесплатно помогают семьям призванных на войну¹⁹ и т.д. Также, когда в газете появлялись упоминания о создании организации помощи пострадавшим от войны, было специально подчеркнуто, что и белорусские представители приняли в этом участие²⁰. Особенно интересным, видимо, следует признать сообщение о том, что недалеко от линии фронта на русской стороне приземлился австрийский аэроплан. Русских солдат рядом не было, но летчиков местные крестьянки «не пустили лететь дальше». Это продолжалось до тех пор, пока не подъехали казаки²¹. Помимо того, простые обыватели по-своему боролись с антигосударственными заявлениями. Так, «21 июля ехал в конке в г. Вильне запасной нижний чин Б. Зубальский и по дороге позволял себе обвинять российское правительство за войну с Германией, заявляя, что он хочет, чтобы немцы одержали верх над Россией. Публика остановила конку, и составили протокол. А главнокомандующий такую наложил резолюцию: “Принимая во внимание, что по суду ему серьезного наказания не положено, так всыпать Зубальскому сто розог, да что называется, а затем отправить в свою воинскую часть в передние ряды”»²².

Вообще поведение, демонстрирующее лояльность российским властям, в белорусской газете не комментировалось. О таком поведении попросту упоминали, фиксируя как факт. Это происходило потому, что до войны «Наша нива» критиковала правительство и сторонников правительства практически в каждом номере. С началом войны эта практика прекратилась, но поддерживать сторонников правительства газета не собиралась. Именно поэтому патриотические действия российских подданных никак не комментировались — оценивать их отрицательно было чревато, а оценивать положительно не позволяла идеология белорусского национализма.

То, что война является злом для людей, мало кто спорит, но редакция «Нашей нивы» нашла один положительный момент в возникновении мировой войны. «Нынешняя война, беря от народа кровавую жертву, дала ему за это плату: она убила пьянство, показав, как его можно извести». В связи с началом мобилизации была запрещена продажа алкоголя, после проведения мобилизационных мероприятий некоторые торговцы опять постарались возродить продажу, но сами люди стали требовать и впредь не продавать алкоголь. Немного странно видеть

в газете, что во время войны «матери, жены и дети не могут нарадоваться, что для них настало-таки счастливое время», «все радуются»²³. Вряд ли в такой ситуации люди радовались, но то, что многие испытывали удовлетворение от запрещения продажи алкоголя, можно признать фактом²⁴.

Однако белорусские журналисты не оценили, что Николай II 22 августа 1914 г. приказал повсеместно запретить продажу алкоголя вплоть до конца войны²⁵. Видимо, это было связано именно с тем, что запрет исходил от официальных властей, к которым «Наша нива» была настроена критически. Ведь в довоенное время российская администрация не удостоилась каких-то положительных упоминаний в белорусской газете. Лишь открытие новых школ оценивалось положительно, но с оговорками, что нужно открывать белорусскоязычные школы. Однако, несмотря на поддержку населением запрета продажи алкоголя, находились те, кто искал ему замену в виде денатурированного спирта. Естественно, что это влекло за собой пищевые отравления. В Вильне, как сообщала газета, каждый день от этого умирало несколько человек²⁶.

Последний номер «Нашей нивы» лета 1914 г. открывается статьей, подводящей некие итоги первого месяца войны²⁷. Статья представляет собой очень краткий рассказ о событиях войны. Указано, что на русско-немецком фронте в настоящий момент (т.е. на конец августа) наблюдается затишье, а на русско-австрийском фронте австрийцы «теперь покидают занятые в России города».

Это редкое упоминание того, что Россией являются и польские земли, в которые вторглись австрийцы. Чаще всего в «Нашей ниве» принципиально подчеркивалось, что Россия начинается где-то на восток от Смоленска, а все, что на запад от этих мест, является Белоруссией, Литвой, Украиной, Польшей и т.д. Иными словами, Россия и Российская империя чаще всего разделялись в географических представлениях белорусских националистов. Под термином «Россия» понималось в первую очередь пространство Великороссии, но случалось, что эти названия выступали как синонимы. Заканчивается статья, подводящая итоги первого месяца войны, тоже достаточно показательно. Последний абзац начинается с фразы «Когда война кончится и в чью пользу — трудно предположить»²⁸.

Таким образом, уже с первых дней войны редакция «Нашей нивы» попала в не очень удобную ситуацию. Постоянная критика правительства, что практиковалась в газете в довоенный период, во время войны могла вызвать ряд вопросов, связанных с лояльностью. Это усугублялось еще и тем, что газета выпускалась в местности, объявленной на военном положении. На фоне многочисленных патриотических заявлений начала войны «Наша нива» выглядела странно, поскольку она лишь фиксировала факты патриотических выступлений, но не заявляла о поддержке собственного правительства. Да и безразличие к тому, какая сторона победит в войне, также заставляло власти задуматься. Однако газету не преследовали. С начала осени 1914 г. стали появляться белые пятна — следы работы цензуры. А летом 1915 г. газета прекратила свое существование по вполне тривиальным в то время причинам: большая часть сотрудников редакции была мобилизована на фронт, поэтому выпустить «Нашу ниву» стало некому.

Примечания

1. Подробнее об этом см.: *Гронский А.Д.* Можно ли называть белорусский национализм начала XX в. белорусским национальным движением? // Общество и этнополитика: материалы Международной научно-практической интернет-конференции. 1 апреля – 15 июня 2008 г. / под ред. Л.В. Савинова. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2008. С. 151–156.
2. См., например, трехтомник «Белорусы» создателя белорусоведения академика Е.Ф. Карского. Первое издание выходило с 1903 по 1922 г., а переиздание в 2006–2007 гг.
3. Подробнее об этом см.: *Гронский А.Д.* Отражение 300-летнего юбилея Дома Романовых на страницах белорусской националистической газеты «Наша нива» // The Russian Federation in the critical periods of its development: the materials of the first International practical conference, the city of Volzhsky. 22 March 2013. Montreal, 2013. С. 85–91.
4. Убіўство аўстрыяцкага насьледніка // Наша нива. № 24. 20 Чэрвеня 1914. С. 4.
5. З заграіцы // Наша нива. № 25. 26 Чэрвеня 1914. С. 4.
6. Там же.
7. Сэкрэтная нарада // Наша нива. № 25. 26 Чэрвеня 1914. С. 4.

8. Новая вайна // Наша ніва. № 28. 17 Ліпня 1914. С. 1.
9. Там же.
10. Вайна // Наша ніва. № 28. 17 Ліпня 1914. С. 4.
11. Вайна пачалася // Наша ніва. № 29. 25 Ліпня 1914. С. 1.
12. Такое же отношение к русской армии сохранилось и в среде современных белорусских интеллектуалов. Например, белорусским гражданам стараются доказать, что русская армия в 1812 г. была также чужой для западной части собственной страны. Об этом см.: *Гронский А.* Проблема интерпретации Отечественной войны 1812 года в Белоруссии // Вестник российской нации. 2013. №1–2 (27–28). С. 46–63.
13. Вайна пачалася // Наша ніва. № 29. 25 Ліпня 1914. С. 1.
14. Наша ніва. № 29. 25 Ліпня 1914. С. 2.
15. Наша ніва. №№ 29, 30, 31, 32, 33, 34 и др. 1914.
16. *Карский Е.Ф.* Белорусы: в 3 т. Т. 3. Кн. 2. Очерки словесности белорусского племени. Минск: Беларуская энцыклапедыя, 2007. С. 382.
17. На вайне // Наша ніва. № 30. 1 Жніўня 1914. С. 1.
18. Ахвяры на ваенныя патрэбы // Наша ніва. № 32. 15 Жніўня 1914. С. 2.
19. Цяперашнія патрэбы // Наша ніва. № 33. 21 Жніўня 1914. С. 1; Самапомач // Там же. С. 2.
20. З Беларусі і Літвы // Наша ніва. № 32. 15 Жніўня 1914. С. 2.
21. Вайна у паветры // Наша ніва. № 33. 21 Жніўня 1914. С. 2.
22. Здарэньне у концэ // Наша ніва. № 30. 1 Жніўня 1914. С. 2.
23. У добры час // Наша ніва. № 33. 21 Жніўня 1914. С. 1.
24. Манаполькі // Там же. С. 2; Паход на гарэлку // Наша ніва. № 34. 28 Жніўня 1914. С. 2.
25. Прці гарэлкі // Наша ніва. № 34. 28 Жніўня 1914. С. 2.
26. Замест гарэлкі // Наша ніва. № 33. 21 Жніўня 1914. С. 2.
27. Першы месяц вайны // Наша ніва. № 34. 28 Жніўня 1914. С. 1.
28. Там же.